

ББК 71.0

Т.А. Семилет

Модели и факторы структурирования глобального культурного пространства

T.A. Semilet

Models and Causes of Structuring Global Cultural Space

Рассматривается проблема выделения этапов культурной глобализации, определения их идейных оснований и пространственных масштабов процесса планетарной культурной унификации и интеграции.

Ключевые слова: глобализация, стратификация планетарного пространства, волны глобализации, ценностно-смысловые комплексы, культурные макро- и мегамиры.

В современных процессах структурирования социокультурного пространства теории социокультурного знания ведущей тенденцией признают глобализацию. По мысли автора этого понятия Р. Робертсона, глобализация относится как к компрессии мира, так и к интенсификации осознания мира как целого, как к конкретной глобальной взаимозависимости, так и к осознанию глобального целого в XX в. [1, p. 15].

Культурная глобализация предполагает переструктурирование культурного пространства, интеграцию народов Земли в единое сообщество вследствие унификации образа жизни и мировоззрения. Факт переструктурирования культурного пространства не является беспрецедентным, в ходе культурного развития оно несколько раз существенным образом меняло свою конфигурацию. В этом процессе, во-первых, вырисовывается семь этапов и соответствующих им основных моделей структурирования глобального культурного пространства, во-вторых, просматриваются доминирующие факторы каждой из них, в-третьих, проявляется тенденция приращения одних и отмирания других элементов структуры.

Генетически первым фактором, обусловившим создание сообществ планетарного масштаба, была *религия*. Она пришла на смену мифу и способствовала новой консолидации и интеграции людей в невиданных до этого масштабах. Первый этап переструктурирования планетарного культурного пространства проходил за 500 лет до Рождества Христова, в период, названный К. Ясперсом «осевое время», когда возникли религии, охватившие собой половину экумены. Это волна социокультурной структуризации пространства, создавшая Восток как культурную целостность. Отдельные многочисленные племена, народы и царства были

The author determines stages of cultural globalization, defines their ideological background and spatial scopes of the process of planetary cultural unification and integration.

Key words: globalization, stratification of planetary space, waves of globalization, value-semantic complexes, cultural macrocosms and microcosms.

интегрированы и унифицированы единством и мировоззрения, и обрядов, и системы ценностей, и способами поклонения Абсолюту, и единством устремлений по пути спасения. Мир укрупнился и возвысился: возникли религиозно-культурные миры – конфуцианско-даосистский, индо-буддийский, ирано-зороастрийский, палестино-иудейский.

В результате изменились горизонтальная и вертикальная стратификации социально-культурного пространства планеты. В горизонтали это выразилось в создании невиданных раньше культурных ареалов и небывалых по размерам субъектов культурной жизни. В вертикали социокультурного пространства осевое время ознаменовалось открытием новой сферы, уровня, нового измерения жизни – духовности. Человечеству впервые в таком экуменическом или даже планетарном масштабе открылись философские глубины и нравственные высоты бытия. К. Ясперс в книге «Смысл и назначение истории» пишет: «В эту эпоху были разработаны основные категории, которыми мы мыслим по сей день, заложены основы мировых религий, и сегодня определяющих жизнь людей. Во всех направлениях совершался переход к универсальности» [2, с. 33].

Второй этап в переструктурировании культурного пространства планеты, приведший к созданию его новой модели, – христианизация мира. Она привела к объединению народов Европы и формированию культуры Запада. Именно благодаря христианству Европа превращается в целостность, возникает новый субъект культурного бытия и новая ценностно-смысловая вселенная. Конфуцианско-буддийская духовность Азии дополняется христианской духовностью Европы, Восток и Запад уравниваются как две глобальные культурно-религиозные целостности, как два планетарных региона.

Третий этап в переструктурировании культурного пространства планеты связан с распространением ислама, рождением арабо-исламского мира. Возникает культурный ареал, имеющий глобальное значение и влияние на все другие цивилизационно-культурные миры планеты. Арабо-исламская культура мощной волной накрыла и племенные народы пустыни, и цивилизованные страны с древнейшей культурой, нивелируя все на своем пути, радикально трансформируя и национальные экономики, и государственные границы, и языки, и религии.

Христианизация и исламизация огромных масс населения планеты, создание культурных миров невиданных доселе размеров создали новые цивилизационно-культурные структуры, вторую и третью модели структурирования культурного пространства Земли.

Таким образом, три первые структурные модели культурного пространства порождены религией, той мощной силой, которая создает цивилизации и культурно-исторические типы, меняет географию Земли, вертикальную и горизонтальную стратификацию социально-культурного пространства. Во многом это происходит потому, что она вырывает человечество из трясины обыденности, пробуждает духовные силы и задает горный вектор устремленности, дает одухотворение жизни.

Четвертую волну трансформации глобального культурного пространства вызвал в Европе процесс, получивший название промышленной революции, просвещения, модернизации и охвативший все миры глобального культурного пространства. Он представляет собой разбожествление мира, его секуляризацию, сциентизацию, техническую модернизацию, направленность основных усилий на создание и совершенствование «аппарата обеспечения существования» (К. Ясперс).

Выделение в самостоятельные духовные комплексы науки, философии, морали, искусства, идеологии свидетельствует о распаде единой централизованной и иерархизированной системы религиозной духовности. Место религиозной картины мира занимает миф. Но религия вертикальна и целостна, а миф горизонтален и мозаичен. Миф – эмоционально-образная, изначально очевидная, тотально синкретичная, наглядно-действенная картина мира. Конечно, время архаичного мифа с буквальным антропоморфизацией, персонификацией природных и социальных явлений, ритуализмом, фетишизмом, магией, тотемизмом, анимизмом и идолопоклонством ушло безвозвратно. Но миф возвращается в новой форме, в виде псевдомифического мировоззрения, характеризующегося такими чертами, как образность, эмоциональность, изначально очевидность, наглядно-действенный характер. Оно дает однозначную интерпретацию мира, влияющую и на экономику, и на политику,

и на мораль, и на право, и на идеологические построения. На эту интерпретацию ориентируются и система образования, и цели воспитания, и отношения к ближним и дальним. Но, в отличие от религии, в мифе нет духовно-нравственного содержания. Конечно, это понижение духовности и культурного уровня. Духовно-культурное пространство расширяется по горизонтали, но резко и неуклонно понижается по вертикали, оно упрощается и уплощается.

С XVIII–XIX вв. мир унифицируется цивилизационно. Приведем характеристику последствий этой глобализационной волны, проявившихся уже в первой трети XX в. «Все технические и экономические проблемы принимают *планетарный характер*. Земной шар стал не только сферой переплетения экономических связей и единства технического господства над существованием; все большее количество людей видят в нем единое замкнутое пространство, в котором они соединены для развития процесса своей истории... Объединение людей земного шара привело к процессу *нивелирования*, на который мы взираем с ужасом... К этому нивелированию стремятся, будто оно создаст единение людей. В тропических плантациях и в северном рыбацком поселке демонстрируются фильмы столиц. Одежда повсюду одинакова. Одни и те же манеры, танцы, одинаковый спорт, одинаковые модные выражения; месиво, составленное из понятий Просвещения, англосаксонского позитивизма и теологической традиции, господствует на всем земном шаре... Исторически сложившиеся культуры отрываются от своих корней и устремляются в мир технически оснащенной экономики, в пустую интеллектуальность» [2, с. 335–336].

Ядром ценностно-смыслового комплекса этого нового планетарного единства стал *миф о прогрессе*. Духовное измерение человеческого бытия резко редуцируется. Нравственные императивы утрачивают свою абсолютность, ценность духовного самосовершенствования вытесняется ценностью наращивания внешнего могущества, стяжание духовных благ замещается деловой успешностью. Разбожествленная вселенная сужается до сферы социальности, лестница вертикальной стратификации завершается ступенью экономической, политической и профессиональной элиты.

Исследователь русской культуры Иоанн Экономцев отмечает, что при Петре I империя «окончательно вырабатывает и утверждает свою идеологию, зеркально противоположную национальному идеалу. В ней все иначе: вместо этнической общности – общность гражданская... вместо духовной вселенскости – глобальные имперские устремления, вместо эсхатологии – политика, возведенная в ранг эсхатологии, вместо возвышенного космизма – принципиальная органическая приземленность, вместо утонченного мистицизма –

рационализм и позитивизм, вместо религиозного понятия добра и Бога – абстрактное “общее благо”... вместо соборности – коллегиальность, вместо духовной иерархии – табель о рангах...» [3, с. 154–155].

Возможно, интенсивная индустриализация и капитализация, элиминация из цивилизационного бытия востребованности высоких сфер духовности породила бросок к царству справедливости в социалистическом порыве, который может рассматриваться как устремленность к ренессансу духовности, как превращенная форма выражения духовного искательства, прорыв задавленной духовной энергии, идейности, культурно-энергетических сил соборности и эсхатологизма. На месте элиминированных мифических и религиозных систем образуется ценностно-сакральный и духовно-интенционный вакуум. Эти ценностно-смысловые лакуны заполняются искусственно сконструированными идеологиями, обосновывающимися научностью, открытием универсальных законов бытия и т.п. Сакрализация, одухотворение некоторых из идеологий, появление фанатично преданных, готовых на самопожертвование адептов превращают такие идеологии в псевдорелигию. Например, русский философ XIX в. К.Н. Леонтьев считал, что социализм в XX в. начнет играть на государственно-экономической почве ту роль, какую играло христианство на почве религиозно-государственной. Он констатировал, что в России и на Западе появляются первые социалистические пророки и очень скоро следует ждать прихода в мир социалистического Константина (как в Византии).

Таким образом, пятая модель структурирования глобального культурного пространства инспирирована псевдорелигиозной доктриной марксизма и коммунистической идеологии. Ее результат – возникновение социалистического лагеря и раскол человечества на социалистический, капиталистический и переходный между ними «третий мир». В итоге этих процессов все многообразие цивилизационно-культурного развития человечества сконцентрировалось в двух (во многом альтернативных) моделях цивилизационного устройства и противостоянии псевдорелигиозного и псевдомифического мировоззрений.

Шестая волна глобального переструктурирования культурного пространства – ураганная и тотальная американизация планеты. В современном словаре «Культура и культурология» глобализация культуры определяется как «ускорение интеграции наций в мировую систему в связи с развитием современных транспортных средств и экономических связей, формирование транснациональных корпораций и мирового рынка благодаря воздействию на людей средств массовой информации» [4, с. 259]. Ближе к сути и не столь обтекаемо высказывается американский исследователь глобализационных проблем современности П.Л. Бергер. Он пишет: «В ходе публичных дискуссий термин “глобализация” вызывает весьма

эмоциональное к себе отношение. Одни считают, что это предвестие международного гражданского общества, начало новой эры мира и демократизации. Для других глобализация означает экономическую и политическую гегемонию Америки, в результате чего культура во всем мире станет однородной и превратится в нечто вроде метастазов Диснейленда... Безусловно, есть зарождающаяся глобальная культура, и она по своему происхождению и содержанию, безусловно, американская. Это не единственное направление изменений в современном мире, но... это преобладающая тенденция, которая проявляется и будет проявляться в будущем» [5, с. 9].

Какова же духовная эгида «постиндустриального» массово-коммуникационного общества – продукта шестой волны глобального переструктурирования культурного пространства? Теоретики глобализации утверждают, что это процесс, характерный для конца XX и начала XXI в., и сущность его во многом сводится к тому, что американская культура просачивается в национально-культурные и хозяйственные миры, навязывая исподволь свой образ жизни и мыслей, язык, социальные практики. Да, Америка распространяет свое влияние на многие регионы мира и на многие сферы жизнедеятельности – от экономической до духовно-эстетической, и происходит это по той причине, что она – авангард общества потребления и главный адепт потребительства как образа жизни и образа мыслей.

Представляется, что правы те представители социогуманитарного знания, которые говорят о «победе мировой потребительской революции». Транснациональная культура реализуется как консумеризм. Похоже, что консумеризм стал самой мощной в истории человечества матрицей глобальных культурных трансформаций, мифологическим фреймом, обеспечивающим единство самых разных социальных процессов во всех уголках планеты. По этой матрице перестраиваются экономики, политики, деловая культура, досуговая и идеологическая сферы. Век общенациональных или национально-государственных идеологий кончился безвозвратно, их место в глобализованном мультикультурном обществе занял консумеризм, потребительство как ценностная и смысловая ориентация, как экзистенциальная матрица, формируемая массово-коммуникационными средствами.

Экспансия глобальных товаров и повышение мобильности населения стимулируют циркуляцию наднациональных образцов потребления в планетарном масштабе, обеспечиваемую глобальным медиапространством. В итоге консумеризм как национальное явление замещается консумеризмом глобальным, с новыми практиками мифоконструирования и включения индивидов в продуцируемые мифы.

Именно этот этап переструктурирования культурного пространства планеты большинство теоретиков называют собственно глобализацией – ее современным и последним на сегодняшний день этапом. Однако факты стремительно меняющейся реальности наводят на мысль, что на эту модель трансформации культурного пространства наложилась новая тенденция – формирования и активной экспансии киберпространства. Научно-технологические достижения конца второго тысячелетия формируют новый образ реальности, утверждение которого и позволяет говорить о сегодняшнем обществе как об информационном. Эта ситуация обгоняющего развития новой тенденции похожа на процессы, которые происходят в России с телефонной связью: еще не все населенные пункты имеют проводной телефон, но уже у всех есть телефоны мобильные. Так и с общекультурным пространством: еще разворачивается процесс формирования глобального общества потребления и утверждения консумеризма американского образца, еще идет противоборство с этой тенденцией самобытных цивилизационно-культурных миров, а над всем этим стремительно расширяется новое пространство «мира без границ».

Седьмой этап трансформации глобального культурного пространства – создание метапланетарного мира, киберпространства или виртуальных миров. Виртуализация бытия радикально меняет конфигурацию духовного пространства человеческого существования. Августин Блаженный констатировал наличие Града Небесного и Града Земного как экзистенциальную альтернативу религиозного средневекового общества. Сегодня бытийное пространство разделено по-другому: на мир реальный и мир виртуальный, и граница между ними стремительно смещается и размывается. Сфера реального отступает: уменьшается, вытесняется и поглощается сферой виртуального, расширяется ареал виртуальной сферы безграничных возможностей и разрешений. Здесь другие законы существования, принципиально другие критерии ранжирования, определения приоритетов, другой принцип устройства мироздания. Если верить исследователям киберпространства, то принципами его существования являются плюрализм, децентрация, неопределенность, фрагментарность, изменчивость, контекстуальность. Эти принципы хорошо узнаваемы, но связь постмодернизма с новой моделью глобального культурного пространства еще нуждается в специальных исследованиях.

Библиографический список

1. Robertson R. Globalization. Critical concept in sociology. – L., 1992.
2. Ясперс К. Смысл и назначение истории. – М., 1992.
3. Экономцев И. Православие, Византия, Россия. – М., 1992.
4. Культура и культурология : словарь / сост. и ред. А.И. Кравченко. – М., 2003.
5. Многоликая глобализация / под ред. П. Бергера и С. Хантингтона. – М., 2004.